

Я почувствовал жар на своем лице, как только она это сказала. Унижение скрутило меня изнутри. Смушение разворачивалось. Огонь на моих щеках и то, как я не мог смотреть ей в лицо, были всем подтверждением, в котором она нуждалась. Несмотря на мое пробормотанное "нет", должно быть, было очевидно, что я лгу.

"Давай кое-что проясним", - сказала она. "Прямо сейчас".

Я сглотнул и посмотрел на ее лицо, пока в моей голове промелькнула быстрая, стремительная мысль о побеге. Это был короткий взгляд на ее глаза, которые были устремлены на меня, как голубые лазеры смерти, выражение ее лица было серьезным. Когда я увидел этот взгляд, меня охватила паника. Я не хотел быть там. Я не хотел вести разговор, который, как я знал, должен был состояться. Желание убежать было сильным, непреодолимым, почти непреодолимым.

Но я была в ловушке.

Я лежала на кровати, а моя тетя сидела на краю между мной и дверью. Чтобы выбраться, нужно было пробраться на заднице к изножью кровати или столкнуть ее с дороги. Достаточно просто, я полагаю. Но что происходило потом? Я мог убежать, но не мог долго избегать ее. Моя тетя Джанет жила у нас дома. Даже если бы я убежала, что бы случилось потом?

Я отвернулся от нее и посмотрел на телевизор, маленький портативный, показывающий "Старски и Хатч". Программа была популярной, мгновенный хит 1976 года. Я любил ее, больше идентифицируя себя с персонажем Хатча, потому что мы оба были высокими и светлыми. Мне нравилась последняя куртка с кожаными рукавами, которую он носил; и я считал, что его стрелок был круче, чем у Старски. Тетя Джанет прервала мой просмотр, постучав в дверь спальни, войдя, а затем присев на край моей кровати.

"Я понимаю, что ты смущен, Майки", - продолжала тетя. "Я тоже. Но я должна кое-что сказать".

"Я не понимаю, о чем ты", - сказал я, желая, чтобы она остановилась. Неужели она не видит, что я хочу посмотреть свою программу?

Тетя Джанет вздохнула, звук был прерывистым. Затем она сказала: "Не надо, Майки. Не лги. Просто дай мне выговориться. Ты не знаешь, как мне тяжело находиться здесь в таком состоянии". Она сделала паузу и снова вздохнула, прежде чем добавить: "Я хочу прояснить одну вещь: это между мной и тобой. Я хочу... Мне нужно, чтобы ты знал, что я не буду говорить об этом никому. Никто больше не должен знать".

Я был в замешательстве. Я думал, что она пришла, чтобы отчитать меня, наказать меня, поставить меня на место, поэтому, озадаченный, я заикался: "Я... Я не понимаю".

Я рискнул еще раз взглянуть на ее лицо, когда говорил это. Увидел, как она закатывает глаза и гримасничает. "Черт возьми", - пробормотала тетя про себя. Она показала признаки

вспыльчивости, когда продолжила. "Смотри. Ладно, давай прекратим эту ерунду, Майки. Давай будем честными. Я обещаю, что это только между нами. Я серьезно. Ты можешь быть правдивым. Я не буду сердиться".

Когда я ничего не сказала, моя тетя Джанет пробормотала: "Черт возьми. Сколько раз...? Хорошо, я скажу это снова. Майки, я знаю, что ты смотрел на меня".

Отрицание поднялось в моем горле, а мои перегретые щеки вспыхнули еще жарче. Я открыл рот, чтобы высказаться, но Джанет подняла руку.

"Нет", - сказала она, прерывая меня. "Не говори ничего, если это ложь. Я знаю, что это так, Майки. Ты был довольно очевиден в этом. Я замечала это уже несколько раз. Скажем так, ты не очень тонко чувствуешь".

Тетя произнесла последнее, скривив губы. Хитрая ухмылка заставила меня сглотнуть от досады. Меня поймали. Она знала, что я пялилась на нее.

"Извините", - сказал я сквозь зубы.

"В том-то и дело", - сказала моя тетя. "Вот почему мы должны быть честными, вот почему я сказала, что не буду ни с кем говорить об этом, Майки. Ты не должен сожалеть".

Затем что-то темное и первобытное коснулось меня в глубине души. Я не понимал смысла ее следующего предложения в каком-либо связном, логическом смысле. Все, что я уловил, это неясный смысл на инстинктивном уровне. Намек на что-то незаконное и волнующее, когда Джанет закончила почти шепотом: "Я не против, чтобы ты смотрел. Мне это нравится".

Я остолбенела, разум не мог справиться. Я понимала, что сказала тетя Джанет, но не могла согласовать ее очевидный смысл с моим представлением о реальности. Так я и таращился, не понимая тяжести своей отвисшей челюсти, пока тетя не разразилась смехом и не сказала: "Твое лицо, Майки; Боже, вот это картина". Я закрыл рот, когда тетя придвинулась ко мне вплотную, ее рука прижалась к моей, тепло ее тела и чистый, гладкий аромат, исходящий от нее, заставили мой член утолщаться и расти. Пока мы сидели там, бок о бок, прижавшись друг к другу, как пассажиры в часовом поезде, мой член опережал мой мозг. Мой член понял, что происходит, резко напрягся, налился кровью и интересом.

Прежде чем я смог остановить себя, я пробормотал: "Что ты делаешь?".

"Ну, Майки, - ответила моя тетя. Честно говоря, я и сама не знаю, что делаю. Я видел, как ты смотришь, и это заставило меня задуматься. И я знаю, что не должна быть здесь и разговаривать с тобой, но ничего не могу с собой поделать". Она пожала плечами, и мой взгляд

остановился на складке ее декольте. "Может быть, это из-за развода", - сказала она низким шепотом. "Может быть, я надулась". Тетя Джанет вздохнула, длинный, медленный выдох, прижалась еще теснее и положила ладонь мне на бедро. "Что бы это ни было, - вздохнула она, - мне нравится, как ты на меня смотришь". Это правда, Майки, мне это нравится гораздо больше, чем полезно для меня. Именно поэтому я здесь. Я хочу знать, о чем ты на самом деле думаешь".

В тот момент мне было не до размышлений. Мой разум был занят тем, что пытался разобраться во всех впечатлениях и ощущениях, бурлящих вокруг. Вид внушительных сисек тети Джанет, сплюснутых вместе, беспокоил меня. Я был встревожен, меня мучило желание зарыться головой между ее сисек и реальная возможность получить за это пощечину. Это было смутное и далекое чувство, но настойчивое ощущение, которое я испытывал, помимо всплеска похоти и желания, заключалось в том, что вся эта ситуация определенно неправильная. Крошечный голосок был далеко на задворках моего сознания. Приглушенный и легко игнорируемый, он говорил мне, что это неправильно в моральном смысле. Неправильно в том смысле, что моей маме было бы неприятно узнать об этом.

"Ну же", - промурлыкала тетя Джанет, накрывая рукой гребень моего члена. "Расскажи мне, что у тебя в голове, Майки. Думаешь ли ты о грубых вещах, когда смотришь? Или я выставила себя настоящей дурой?"

Похоть всколыхнулась и поднялась до кипения. Я сглотнул и посмотрел вниз на невероятное зрелище: ее рука накрыла выпуклость на моих джинсах. О, я знал, что это ее рука, видел обручальное кольцо. Несмотря на недавний и очень эмоциональный разрыв с мужем, Джанет не сняла его. Мне было трудно переступить через тот факт, что она была моей тетей, сестрой моей матери, и именно ее ладонь я чувствовал, сжимая свой член.

"Я ведь нравлюсь тебе, правда, Майки?"

Я услышал первые нотки сомнения в ее тоне, уловил звук в ее голосе. Когда я взглянул ей в лицо, в ее глазах мелькнул огонек.

"Тетя Джанет, - сказал я со стоном, - я думаю, что ты прекрасна."

Этот стон и эти слова привели мою тетю в ярость. Я все еще не работал в полную силу, когда дело касалось логического мышления, этот поезд все еще медленно отъезжал от станции, и прежде чем я полностью осознал реальность ситуации, она сжала мои джинсы на коленях и зажала мой член в кулаке. Как ей удалось ослабить ремень, расстегнуть пуговицу и расстегнуть молнию - не говоря уже о том, чтобы спустить джинсы ниже моего живота - я не помню. Но, по правде говоря, тетя обрабатывала мой член рукой. Она сжимала ствол и потирала большим пальцем купол, бормоча что-то похожее на бессмыслицу, пока она ерзала своим пузом по моей кровати.

<http://erolate.com/book/2312/59950>